

Андрей
Константинов

**Вверх
по Реке
Времени**

Андрей Константинов

Вверх по Реке Времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42673640

ISBN 9785449690555

Аннотация

Пять фантастических рассказов, написанных в разных жанрах и объединённых темой исторических альтернатив и судьбы человечества.

Содержание

ЗВЁЗДНЫЙ ЗОВ	5
ЛЕНИНГРАД	17
I	17
II	25
III	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Вверх по Реке Времени

Андрей Константинов

© Андрей Константинов, 2019

ISBN 978-5-4496-9055-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Река Времени течёт из будущего в прошлое,
ветвясь и разделяясь на отдельные рукава.
История человечества представляет собой долгое
восхождение от устья к истоку этой реки.**

ЗВЁЗДНЫЙ ЗОВ

Что ж, Человек? – За рёвом стали,

В огне, в пороховом дыму

Какие огненные дали

Открылись взору твоему?

Александр Блок, 1911 год.

Сначала откуда-то сверху донеслось протяжное звучание на высокой ноте, оно было как пение ветра в отдалённом ущелье. Звук постепенно сгустился, уходя в нижние регистры, и затих. Мгновенья падали в тишине – одно, второе, третье... – пока для их отсчёта не нашлась новая мелодия, и тогда послышался нарастающий перезвон капли – во время сезона дождей в лесах у подножия Великих гор так поёт вода, сбегая по ярусам могучих ветвей, над которыми во всё небо стоят радуги. Разноголосый, многократно отражённый эхом, этот перезвон заполнил простор под высоким сапфировым сводом поста управления, возвещая о том, что вращение звездолёта в четырёхмерной системе координат замедлилось до порогового уровня, и локус искривлённого пространства распрямляется, выпуская корабль в очередную, теперь уже последнюю на пути, точку космоса.

Голографические фигуры над индикаторным окном, за мгновение до того alertно вытянутые в форме голубоватых полупрозрачных сталагмитов, резко просели и теперь

медленно растекались в горизонталь. Стройная рыжеволосая женщина в тёмно-синей тунике остановилась рядом с высоким сосредоточенно-неподвижным напарником, закутаным в длинную пурпурную накидку, и, дождавшись полного выравнивания пространственной метрики, включила обзор.

Купол, переборки и опалесцирующая палуба под ногами исчезли, пост управления повис среди знакомых звёзд. В тени, отбрасываемой огромным пылевым скоплением, они льдисто мерцали, в перспективе галактической плоскости сливаясь в обод гигантского колеса, и внешне почти незаметная близость одной из них сознанием скорого завершения пути согревала сердца космических скитальцев.

«Звёздный зов» – корабль планетной системы Гала – плавно разворачивался в направлении дома, до которого теперь оставалось всего четыре вахты пути. Двое звездолётчиков, стоя на невидимой поверхности, сосредоточенно созерцали, как вокруг них плывёт величественная картина открытого космоса. Сейчас они чем-то напоминали древних мастеров, которые только что завершили внутреннюю роспись храма и теперь отпускают своё творение в мир, и проплывающие звёзды отражались в их широко раскрытых глазах, казавшихся в космической ночи совершенно чёрными.

Поворот завершился, включились пространственные двигатели, корабль начал набирать скорость.

– Зорин, – так прозвучало бы его имя на привычном для нас языке, – тебя не отпускает пламя той планеты. Я слышу

беспокойную скачку твоих мыслей, подобных сполохам огня в ненастье.

– Ты права, Дивна, слишком невероятно случившееся совпадение, – ответил тот, кого звали Зорин. – Но эта встреча изменила каждого из нас, и теперь я часто вижу печаль бессильного сострадания во взглядах товарищей.

Под сводом зазвучала мелодия полёта, а на противоположном краю поста управления, прямо на фоне созвездия Белой Птицы, показались фигуры сменщиков: командир и второй навигатор заступали на дежурство. Тогда мужчина сбросил накидку и подал руку напарнице, которая с готовностью шагнула навстречу, привлекаемая мягким и сильным движением. Танец властно влёл их за собой, помогая оставить в прошлом тревогу самого драматичного эпизода экспедиции.

Похожая на Галу планета, окутанная живительной азотно-кислородной атмосферой, была обнаружена экспедицией «Звёздного зова» в удалённом рукаве Галактики. Вновь открытый мир оказался обитаемым, но молчание радиоэфира и отсутствие искусственных спутников говорили о том, что найденная цивилизация пока не проникла даже в ближний космос.

– По всем признакам, этот мир относится к допереходным. Основа его устойчивости – цивилизационное и расовое многообразие, обусловленное естественным разнообразием

ландшафтов, но при этом системная целостность обеспечивается узами взаимной борьбы – войны и конкуренции. Экономическая структура, если судить по доступным наблюдениям технологиям, говорит о жёстком разделении на классы управляющих и управляемых, а населённые регионы планеты развиты крайне неравномерно, что хорошо видно по расположению основных экономических центров...

Мягкий голос Тайны, историка и антрополога экспедиции, негромко звучал в уютном зале собраний корабля. Над продолговатой панелью с закруглёнными краями, перед которой собрались звездолётчики, висело объёмное изображение планеты – на нём, иллюстрируя слова говорившей, проступили бурые области крупных городов.

– Но это уже единый мир, с доминированием технически наиболее развитой цивилизации, которая скоро исчерпает возможность своей внешней экспансии. Теперь её ждёт встреча с собственной *теневой стороной*, означающая преддверие планетарного эволюционного перехода.

Им предстоит сложное время. Встреча с *теневой стороной* обнажит устрашающую иррациональность внешне рациональной цивилизации. Вместе с психической картиной мира будет меняться физическая, и это приведёт к новым открытиям в овладении энергией. В результате будет стремительно нарастать техническая возможность самоистребления, которую могут уравновесить энергия мечты о лучшем обществе и первые опыты его создания. Космические иссле-

дования помогут вернуть вертикаль духа – её когда-то поддерживала теперь ветшающая религия. Прежняя модель развития быстро подойдёт к исчерпанию, и тогда откроется возможность для создания совсем другой, более зрелой и мудрой, *цивилизации цельности*.

Тайна подняла руки к вискам, поправляя прядки тёмных волос, выбившиеся из высокой причёски. Её карие глаза – широко раскрытые и всегда как будто немного удивлённые – обводили товарищей по экипажу:

– Исторически такое состояние очень непродолжительно, и то, что мы его застали, практически невероятно...

Всё это проплывало в памяти Зорина, когда он вёл планетолёт вдоль цепи заснеженных гор. За спиной тихо пели датчики полевых структур планеты. Слева по борту один за другим вставали навстречу горные пики, среди снега и льда грозно чернели их отшлифованные ветрами отвесные скалы. Далеко за хребтом, за покрывалом хмурых облаков угадывался бескрайний океан. Направо горы постепенно понижались и мельчали, сходили на нет к широким, разрезаемым реками равнинам.

Зорин не мог отделаться от ощущения, что уже когда-то видел эти пейзажи. Оно было подобно проблескам молний, которые на мгновение высвечивают предметы окружающего мира и снова погружают их во тьму: на какой-то неуловимый миг вдруг накатывало ощущение зыбкого *пограничья* между явью и сном, когда воспоминания об этих горах были абсо-

лютно ясными, но сама краткость момента не давала удерживать их в сознании.

Создавать и удерживать эти состояния, использовать их для физического перемещения в любую точку Вселенной, когда корабль скользит по вневременному тонкому лучу, как по оси анизотропного кристалла между переслоенными структурами пространства... Такое искусство пока что остаётся недоступным для всех известных миров населённого космоса. Обычные же субпространственные полёты по-прежнему требуют накопления огромных энергий, поэтому следующий, подготовленный визит на эту планету возможен нескоро, и лучше, чтобы такую миссию выполнили кеане – их звёздная система отсюда ближе всего. Навигаторы «Звёздного зова» уже проложили маршрут к системе Кеа и теперь только ждут его, Зорина, возвращения на борт.

Сбросив скорость, он летел над населённой долиной. Внизу бежал бурный поток, по берегу петляла дорога. Тут же была проложена новая транспортная линия: две параллельные направляющие – по-видимому, из железоуглеродистого сплава, – по ним на паровой тяге перемещают транспортные составы. Но линия оставалась пустынной: на всём протяжении долины не просматривалось ни одного движущегося дымка. Неуютно там сейчас, под холодными зимними ветрами.

Направо от крошечного посёлка неожиданно раскрылось ущелье, а в его верховьях, стянув к себе линиями напряжения горные хребты, высилась величественная гора, перед ко-

торой в почтении расступились окрестные вершины. Зорин мощным рывком направил планетолёт вниз.

Поглотители инерции работали безупречно, позволяя пилоту мгновенно менять скорость и направление. Планетолёт сел на берегу небольшого полузамёрзшего озера, подняв облако снежной пыли. Музыка датчиков умолкла. Зорин открыл входной проём и мягко спрыгнул в неглубокий снег. В лицо дохнуло холодом, белизна снегов заставила сощурить глаза, но в следующий момент он уже с наслаждением вдыхал полной грудью воздух планеты.

В десяти шагах от места посадки стояла приземистая хижина под пологой односкатной кровлей, сложенная из плоского слоистого камня и засыпанная снегом, – наверное, летний приют пастухов. От хижины открывался вид на вершину. Низкое зимнее солнце освещало её с противоположной стороны, так что открытые обзору склоны находились в тени и от этого казались абсолютно отвесными. Безмолвие нарушалось лишь далёким свистом ветра. Временами он поднимал то в одном, то в другом месте над горами снежный шлейф, предаваясь каким-то своим играм. Пройдёт немного времени, замкнётся виток, и эта овеянная древними легендами гора, как зримое выражение вертикали духа, снова привлечёт к себе внимание ищущих.

Что ж, пора, – Зорин вернулся в корабль, дал вертикальный старт и молниеносно переместился на вершину. Здесь он открыл выходной проём в режиме градиента атмосфер-

ного давления, опустил забрало гермошлема и вышел на покрытый плотным фирном гребень, чтобы, склоняясь под мощными порывами ледяного ветра, установить на узком скальном выступе прозрачную кристаллическую пирамидку с асимметричным четырёхугольным основанием. Моментально сработала решётчатая активация – пирамидка приросла к скале и полностью слилась с её тёмным зернистым фоном. Первый кристалл-излучатель был установлен.

А всего их было три, образующих резонансную конфигурацию: второй предполагалось разместить на гребне высоких гор в центре обширного материка, третий – на острове в океаническом полушарии планеты. По сигналам кристаллов-излучателей должны будут сориентироваться кеане, когда однажды окажутся в этой части Галактики...

По гигантской дуге между двумя материками Зорин мчался к следующей точке. За левым плечом огненный шар солнца стремительно уходил за горизонт, его лучи окрашивали навигационную панель в цвета жидкого золота. Далеко внизу подёрнутый лёгкой дымкой лежал океан – где-то там подводный хребет обозначал линию древней рифтовой зоны, и океанское дно было рассечено частыми разломами. Мелодия датчиков рассыпалась негромким звоном, отмечая это место. На миг закат вспыхнул зелёным лучом, отмечая границу неба и моря, и день погас.

Медленно катилось навстречу звёздное колесо, мерцая непривычными очертаниями созвездий. Правую часть неба

пересекала туманная россыпь галактической плоскости, метеоры изредка прошивали чёрный небосклон. За спиной низко над горизонтом сияла яркая звезда – одна из ближних к этой системе, – и планетолёт мчался, подгоняемый её пронзительными белыми лучами, а навстречу неведомую весть несла стремительная птица, прорисованная в небе круто изогнутой дугой из семи звёзд.

Когда он посадил корабль на пологом склоне в одном из отрогов исполинской горной стены, которая охватывала полукольцом узкую долину, звёздная птица уже прошла над головой и теперь чертила крылом по краю закатного горизонта. Ближился рассвет. Вверх по склону угадывалось начало подъёма к невидимой отсюда вершине – нагромождение массивных каменных глыб образовывало великанскую лестницу, её неровные исполинские ступени чернели в предрассветном небе. У противоположного края посадочная площадка оканчивалась обрывом, на дне которого шумел поток. Зорин сделал несколько шагов в направлении скальных останцев – их острые зубья поднимались немного в стороне. За ними открывался вид на соседний отрог, на котором отчётливо виднелись угловатые очертания массивных каменных построек. Наверное, обитель отшельников. Постройки лепились по склону в несколько ярусов, две или три из них отличались от остальных характерными шатровыми навершиями с короткими шпильями. Вся композиция оставляла ощущение суровости и аскетизма.

В это время первые солнечные лучи коснулись окрестных вершин, и те, прежде окутанные мгlistым сумраком, вдруг зажглись прозрачным золотым светом. Скользя по ним изумлённым взглядом, Зорин снова пережил момент *пограничья*. Вновь накатило неуловимое ощущение уже виденного в какой-то другой жизни, причём внешне парадоксальным образом ощущение это возникло не из прошлого, а как будто бы из далёкого будущего. На несколько мгновений он увидел, как над постройками вдаль встали призрачные сооружения, похожие на антенны радиообсерватории, а на склоне раскинулись просторные рощи могучих хвойных деревьев.

Видение исчезло. Зорин быстро вернулся к планетолёту и дал старт. Короткая посадка на заоблачном гребне, установка второго кристалла-излучателя, прощальный взгляд на пламенеющую панораму гор над морем облаков и – стремительный взлёт в направлении третьей, последней, точки маршрута.

Горы сменились большой песчаной котловиной, за ней простирались засушливые равнины, пересекаемые невысокими хребтами. Зорин набрал высоту, чтобы увеличить панораму обзора, и в это время внезапной серией коротких аккордов прозвучал сигнал тревоги: в атмосферу планеты входил огромный болид. Небесное тело двигалось со стороны встающего солнца, теряясь в его лучах, и уходило по наклонной траектории за горизонт слева. Зорин запросил расчёт траектории и похолодел от осознания надвигающейся беды:

болид врежется в поверхность планеты на ночной стороне в прибрежной густонаселённой части материка.

Сообщить на звездолёт времени не оставалось, всё решали мгновения. Стряхнув оцепенение, пилот развернулся на перехват пришельцу и разогнал корабль до предельной скорости. Изображение на экране пылало и колыхалось, напоминая разгневанный лик древнего бога – ревнивого, мстительного и карающего. Добела раскалённый вестник смерти и неуловимый, как фантом, планетолёт мчались курсами на сближение. Перед столкновением Зорин успел включить аварийный телепорт...

Звездолётчики нашли его по третьему кристаллу-излучателю, который оставался в кармане скафандра и был активирован при телепортации. Пилот лежал на берегу величественного озера, обрамлённого лесистыми горами, возле самой кромки прибоя. Дивна первая подбежала к распростёртому на песке телу, опустила на колени и замерла, приложив тонкие пальцы к точке пульса на открытой шее. Затем обернула к товарищам залитое слезами, но теперь улыбающееся лицо. Жив!

...А почти в тысяче вёрст к северо-западу от этого места пылала заболоченная тайга, зажжённая гигантским воздушным взрывом. Обгорелые стволы, скошенные прокатившейся взрывной волной, лежали сплошными рядами на огромной территории. Только в самом эпицентре деревья приняли удар отвесно – обугленные и лишённые ветвей они продол-

жали стоять мёртвыми свидетелями катастрофы.

– Здравствуйте, Варвара Александровна! Какое сегодня небо необыкновенное! – Нескладный и всегда немного смешной сосед, из дачников, проходя по улице, приподнял над головой картуз в знак приветствия. – В Питере, говорят, то же самое. Ах, простите, – он понизил голос, – у Вас ребёночек спит, а я расшумелся.

– Здравствуйте, Василий Гаврилыч! – приветливо отозвалась молодая русоволосая женщина в дымчатом платье с серебристой кружевной оторочкой. – Не волнуйтесь, пожалуйста, Ванечка не спит.

Ожидая из столицы мужа, известного в Вырице лесопромышленника и благотворителя, она с двухмесячным сыном на руках стояла возле массивных ворот из тёса. Был поздний вечер, необычайно светлый даже для поры белых ночей. Перламутровая вуаль серебристых облаков в вышине озаряла землю прохладным завораживающим светом.

Малыш на руках лежал тихо. Счастливая мать заглядывала в его широко распахнутые удивлённые глаза цвета северного неба – сквозь пение ветра в верхушках стройных сосен над красноцветными обрывами Одежда её сын вслушивался в далёкий звёздный зов.

ЛЕНИНГРАД

Несбывшееся зовёт нас.

А. С. Грин.

Я... требую, чтобы вы жили так, будто на Земле уже наступила эпоха расцвета.

К. Г. Паустовский.

I

Когда в телефонной трубке раздался неизменно спокойный, глубокий и немного вкрадчивый голос моего питерского друга и тёзки Андрея Михайлова, я понял, что уже год не был в своём любимом Ленинграде.

– Андрюш, – начал он со своего обычного доверительного обращения, – ты не мог бы приехать?

– Что-то произошло? – осторожно спросил я.

– Ничего страшного, просто одно событие, которое тебя должно заинтересовать.

Был конец июня – пора белых ночей, я соскучился по Ленинграду и тамошним друзьям, а интересные события меня влекли ещё и в качестве источника сюжетов. Так что Андрею меня уговаривать не пришлось, и уже на следующий вечер я выходил из Московского вокзала на Площадь Восстания.

Зная, что тёзка не появится дома раньше полуночи, я решил прогуляться к нему на Петроградскую пешком.

Было около одиннадцати часов. На Невском проспекте, как всегда в это время, царило жизнерадостное, почти карнавальное настроение, не хватало только масок. Впрочем, без них было гораздо интереснее.

Весёлой гурьбой шла молодёжь, двое юношей в ярких рубахах навывпуск несли за спиной гитары. По проезжей части смело катили на роликах, пропуская троллейбусы и редкие авто. Промчалась группа велосипедистов. У одного из них на багажнике был закреплён флаг с изображением Крымского полуострова.

В пяти шагах впереди меня над пёстрой толпой плыл белоснежный тюрбан высокого, статного индийца. Как принц Даккар, отметил я про себя. Рядом с принцем шла очень стройная женщина, одетая в расшитое серебряными звёздами тёмно-красное сари. Тонкое покрывало, наброшенное на голову индианки, не скрывало гордой посадки её головы.

Вот навстречу прошагала, приветствуя на ходу нашего капитана торгового флота, группа чернокожих моряков, – судя по португальской речи, из Анголы или Мозамбика. Капитан – коренастый мужчина лет пятидесяти пяти, с классической шкиперской бородкой (а-ля Хемингуэй) – в ответном приветствии поднёс руку к козырьку.

А возле уличного фонаря остановился, окружённый стайкой симпатичных девушек в лёгких летних нарядах, моло-

дой человек в футболке с портретом Гагарина и надписью «Космофест—2011».

– Мой муж! Вокруг него всегда столько девушек! – с наигранным возмущением произнесла привлекательная особа с чуть волнистыми длинными волосами цвета золотой осени, комментируя эту сцену свой темноволосой подруге, на что та ответила:

– Это же хорошо! Значит, красивый муж.

Я продолжал двигаться к Неве, всё более поддаваясь карнавалному настроению. Принц Даккар, он же – капитан Немо; Хемингуэй, Юрий Алексеевич... – кто ещё? Ну конечно, сама Ассоль! Навстречу танцующей походкой летела, улыбаясь от беспричинного счастья, широкоглазая черноволосая красавица. Перед ней расступались, на неё оглядывались. «Королева! Краса ненаглядная!» – кричали, говорили и шептали ей вслед. И я с удовольствием отметил, что на Маринку тоже так оглядываются, когда она идёт по улице. Или по коридору Института имени О. Ю. Шмидта.

Маринка – это моя жена, а также известный вулканолог, молодой доктор наук. Обычно в Ленинград на белые ночи мы приезжаем вместе, чтобы до одурения бродить по набережным и мостам, упиваясь пьянящей атмосферой одного из самых красивых в мире городов. Однажды мы оказались здесь на празднике выпускников и впервые увидели, как над Ростральными колоннами и вслед за ними – на стенах Петропавловской крепости загораются газовые факелы, а со сторо-

ны Дворцового моста появляется в свете прожекторов и отблесках фейерверков галиот под алыми парусами...

Но на этот раз всё произошло иначе. Маринка улетела на Камчатку, где продолжалось грозное извержение Толбачика. «Трещинное извержение имени 50-летия Института вулканологии и сейсмологии ДВО АН СССР на Толбачинском долу», согласно официальному наименованию. А я, пообещав любимой жене, что в этом году мы обязательно вместе побываем если не в Ленинграде, то уж в Париже наверняка, отправился в Питер по призыву Андрея Михайлова.

Миновал канал Грибоедова. Слева по ходу, на той стороне проспекта распахивал крылья Казанский собор, перед ним на переходе мигал жёлтый сигнал светофора. На углу Малой Конюшенной улицы, также известной как улица Софьи Перовской, прямо на асфальт были установлены звуковые колонки, из которых неслись энергичные ритмы. Зрители образовали большой круг, в центре которого парень с девушкой мастерски отплясывали рок-н-ролл. Раз-два, три-четыре, пять-и-шесть... Здесь я задержался, любуясь танцорами, которые стремительно крутились и перемещались по пяточку мостовой: он – в лёгком белом костюме; она – в коротком синем платье, туфли на каблуках. Раз-два, три-четыре, пять-и-шесть...

Когда танец закончился, и смолкли аплодисменты зрителей, меня окликнули.

– Андрей!

Я обернулся. В нескольких шагах позади стоял, пряча улыбку за суровым обликом морского волка, Константин Львович Налимов, или просто Костя, мой давний друг, электрик научно-исследовательского судна «Александр Казанцев» и по совместительству общественный директор клуба «Великий Кристалл».

Крепкое рукопожатие моряка.

– Я думал, ты в рейсе.

– Только вчера пришли, – ответил Костя. – А ты, оказывается, в Ленинграде. Надолго приехал?

– Сам пока не знаю. Меня Михайлов вытащил по какому-то важному делу, но я пока не знаю, в чём оно.

Через пять минут мы уже сидели в открытом кафе за бокалом аргентинского красного вина провинции Мендоса.

– Как дочь? – спросил я после того, как мы выпили за встречу.

– В экспедиции, в Средней Азии. Как раз по её интересам: раскапывает древний буддистский храм.

– Ей один год остался учиться?

Костя кивнул и в свою очередь поинтересовался, как мои.

Я рассказал, что Маринка на Камчатке, что наш старший после первого курса проходит полевую практику под Боровском, а младший уехал на смену в «Орион», а этот посёлок, как известно, тоже находится в Калужской области.

– Космонавтом будет, – уверенно произнёс Костя.

– Космонавтом-разведчиком. За марсианской эпопеей команды Саши Хохлова вместе с нами следит, ни одного сообщения не пропускает, долинами Маринера бредит, а песня про туманные дали Оберона у него теперь любимая.

Принесли чай, заваренный с чабрецом. Не спеша попивая его из широких чашек, мы с Костей погрузились в созерцание.

Солнце зашло. Ровный ряд уходящих вдаль фонарей освещал опустевшую улицу с застывшей на постаменте одинокой фигурой Николая Васильевича Гоголя. На Невском прохожих стало заметно меньше – все переместились к Неве, транспорт исчез вовсе. Танцоры на углу теперь исполняли «Кумпарситу» – заключительный танец. Хорошо исполняли, «с душой». С того места, где мы сидели, их было отлично видно. Ребята не «маршировали» в ритм, но очень чутко и нежно обыгрывали каждый нюанс мелодии. Вместе с остатками дня ушла рок-н-рольная искромётность, лиризм белой ночи теперь наполнял танцующих.

– Хороши, черти! – Экспрессия, с которой обычно сдержанный Костя произнёс эти слова, выражала высокую степень похвалы.

В это время мой телефон пропел первые аккорды музыкальной темы из кинофильма «Мечте навстречу». Звонил Михайлов.

– Андрюш, я через пять минут буду дома. Ты далеко?

– Сидим с Костей на углу Малой Конюшенной. Сейчас

двигаем к тебе, если ты не возражаешь, – одновременно я перевёл вопросительный взгляд на моряка. Тот пожал плечами, что означало: «Михайлов – хороший мужик, ничего против его общества не имею».

– Значит, вы будете где-то через час или немного раньше. Хорошо, жду. – Андрей дал отбой.

Мы допили чай, расплатились и скорым шагом двинулись от проспекта.

– Я проведу тебя кратчайшим путём, – на ходу сказал Костя.

Переулок направо – и вот мы уже шагаем вдоль канала Грибоедова, а впереди, на его противоположной стороне, высится над огнями набережной, отражёнными в тёмном зеркале воды, Спас на Крови, очертаниями больше похожий на сказочный терем, нежели на храм.

А ведь на этом месте убили Александра Второго, подумал я. Мне всегда казалось странным, как легко расправились с народовольцами после того первого мартовского дня 1881 года. Значит, могли и раньше, но не спешили, кто-то умный и могущественный ждал, пока специально выстроенная логика событий подтолкнёт доведённых до отчаянья революционеров к мысли об убийстве монарха. Ох, мешал кому-то Александр Николаевич с его прогрессивными реформами!

Я поделился этой мыслью с Костей, но он только пожал плечами и ответил, что не верит в конспирологию, после

чего стал рассказывать об Азорских островах, где останавливался во время последнего рейса «Александр Казанцев». Рассказ был увлекательный, за разговором мы перешли канал, затем Мойку, которая делает здесь поворот, и, двигаясь вдоль Марсова поля, вышли к Троицкому мосту. Пространство города распахнулось вширь и ввысь.

На мосту я сбавил шаг и обернулся на купол Исакия, плывущий в светлом небе над сияющими фасадами набережной.

– Соскучился по маятнику Фуко? – спросил Костя.

– Да, – отозвался я. – Есть в нём что-то очень важное. Он – как хранитель нашего пространства, повторяющий один и тот же ритуал под сводом храма.

И директор клуба «Великий Кристалл» меня прекрасно понял.

– Завтра можем сходить, если будет желание.

Мы двинулись дальше. Миновав Петропавловку, задержались возле памятника миноносцу «Стерегающий», после чего стремительно зашагали вдоль Каменноостровского проспекта.

II

Андрей жил на Большой Монетной улице (она же – улица Скороходова). Нажатие кнопки дверного звонка привело к неожиданному эффекту: под торжественные аккорды третьей части сороковой симфонии Моцарта незапертая дверь медленно распахнулась, а когда мы с Костей вошли, также плавно закрылась позади нас.

В полусумраке прихожей, светясь радостной улыбкой, появился хозяин квартиры. Обнялись.

– Сделали заботливые ученики, – кивнул Андрей в сторону входной двери. – Что, говорят, вам каждый раз кричать «открыто!». Срабатывает только при незапертом замке.

Мой тёзка преподавал физику в школе, а во время каникул, если никуда не уезжал, вёл на общественных началах свои исследования в Пулково, где при знаменитой обсерватории недавно была создана Лаборатория времени имени Н. А. Козырева. Область исследований нашего друга была чертовски интересной и при этом совершенно запредельной: динамические свойства времени. Если я правильно понимал тёзкины объяснения, время представляет собой некоторый поток вдоль четвёртого измерения. Проходя сквозь нашу реальность, этот поток её непрерывно меняет, что и воспринимается нами как ход времени.

В комнате Андрей усадил нас с Костей в удобные кресла,

положил перед нами на журнальный столик какую-то книгу, а сам уселся напротив.

В тёплом свете настольной лампы под зелёным абажуром бликовал твёрдый переплёт. На обложке, выдержанной в льдистых, холодных тонах, была изображена худощавая женская фигура в странном костюме, напоминающем рыцарские латы. Фоном ей служила большая сфера, в которой отражались какие-то мрачные пейзажи. Вверху стояло имя всемирно известного автора – Иван Ефремов, – а ниже наклонным шрифтом было выведено совершенно незнакомое название: «*ЧАС БЫКА*».

Ничего не понимая, я раскрыл книгу. Посвящается Т. И. Ефремовой, всё верно. Дальше шло авторское предисловие, которое я принялся читать вслух:

– «Третье произведение о далёком будущем, после „Туманности Андромеды“ и „Сердца Змеи“, явилось неожиданностью для меня самого. Я собрался писать историческую повесть и популярную книгу по палеонтологии, однако пришлось более трёх лет посвятить научно-фантастическому роману...» – моё удивление нарастало с каждой прочитанной строкой: – «...Я продолжил в будущее те тенденции гангстерского фашиствующего монополизма, какие зарождаются сейчас в Америке и некоторых других странах, пытающихся сохранить „свободу“ частного предпринимательства на густой националистической основе...»

Дочитав предисловие и увидев поставленную под ним да-

ту – август 1968 года, – я усталился на тётку и тихо произнёс:
– Что за мистификация?

Все мы отлично знали, что у Ефремова не было других произведений о далёком будущем, кроме «Туманности Андромеды», «Сердца Змеи» и небольшого рассказа «Пять картин», посвящённого творчеству художника Андрея Константиновича Соколова. В шестидесятые годы, сразу после «Лезвия бритвы», были написаны популярная книга по палеонтологии «Ключ к будущему» и исторический роман «Дети росы». Затем шла «Таис Афинская»... Ну а «тенденции гангстерского фашиствующего монополизма» в шестидесятые годы – это вообще ни в какие ворота не лезло.

Костя забрал у меня книгу и стал искать выходные данные.

– Год издания – две тысячи одиннадцатый. Издательство... – он произнёс незнакомую аббревиатуру. – Ты знаешь такое?

Я отрицательно покачал головой.

– «История экспедиции землян далёкого будущего на планету, населённую потомками людей, давным-давно бежавших с нашей планеты. Утопия и антиутопия в одном гениальном научно-фантастическом романе»... М-да...

– Обрати внимание на годы жизни автора, в аннотации, – сказал Андрей.

– 1907—1972... – медленно прочитал Костя. – Чертовщина какая-то!

На шестнадцать лет меньше...

В комнате повисло ощущение вплотную подступившей тревоги. Темнота за нашими спинами сгустилась и протянула чернильные щупальца в последнее оставшееся освещённым пространство вокруг абажура настольной лампы. Костя и я молча смотрели на хозяина квартиры, который сохранял внешнее спокойствие, удобно «утонув» в кресле.

– Это не мистификация, ребята. – Почувствовав наше состояние, Андрей придвинулся ближе, и его лицо выступило из полумрака. – В Пулково я ставил один эксперимент. Мысль о том, что время может ветвиться и создавать разные варианты реальности, сосуществующие где-то в многомирье, известна давно. Её много раз обыгрывали в фантастике – та же идея Великого Кристалла, очень красивая. Есть несколько физических теорий, которые обосновывают многомирье.

Я начал понимать, и от этого понимания внутри меня стал расползаться холодок. Тёзка продолжал:

– На той неделе я наконец-то смог подобрать нужную настройку аппаратуры и начал «прощупывать» приборами соседний рукав реальности. И вот, вчера, во время очередного опыта, к нам попал артефакт оттуда.

– И этот артефакт?.. – произнёс Костя.

– У тебя в руках.

Андрей замолчал, откинувшись в кресле, Костя снова раскрыл книгу и впился глазами в текст, я лихорадочно сооб-

ражал...

Шестьдесят восьмой был годом ВВР – Второй Великой революции, которая стала политическим итогом духовной революции шестидесятых. В тот год «физики» объединились с «лириками», «кибернетики» и «синдикалисты» – сторонники рабочего самоуправления – с педагогами-коммунарами. Мощное движение охватило всю страну и было поддержано выступлениями студентов, рабочих и интеллигенции в Праге, Париже и в других европейских городах. Были решительно пресечены попытки приватизации общественной экономики и разжигания межнациональных конфликтов. «Власть – советам!» – партию отделили от государства, толковых партийных функционеров перевели на работу в исполкомы, остальных отправили на заслуженный отдых. Быть коммунистом вновь, как во времена Первой революции, стало вопросом Идеи, а не карьерного роста и привилегий. Так «власть для народа» сменилась властью народа, а на первое место в обществе выдвинулась фигура учителя-друга.

Запад после ВВР существенно «полевел», во многих странах к власти пришли социалистические правительства, что позволило академику Сахарову (по мнению специалистов, слишком упрощённо) говорить о конвергенции. Началась разрядка, к моменту знаменитой московской Олимпиады 1980 года военно-промышленные комплексы США и СССР были почти полностью переориентированы на решение мирных задач, включая охрану и восстановление окружающей

среды и космические исследования. Только с Китаем, где мировые события второй половины шестидесятых проходили по сценарию разрушения, напротив, отношения обострились до предела, но и это продолжалось лишь до смерти Великого кормчего.

Но если... если в другом рукаве реальности автор в 1968 году издаёт роман о «тенденциях фашиствующего монополизма» и умирает через четыре года, а почти полвека спустя его произведение сопровождают странными аннотациями об утопии и антиутопии, значит, в том мире всё было иначе. Когда же произошло ветвление, и начался неумолимый разгон альтернативной версии истории? И возможно ли, хотя бы в отдалённом будущем, обратное схождение разошедшихся ветвей? И что для этого нужно сделать... там?..

– Книга глубокая, – вновь заговорил Андрей. – Огромная концентрация идей в тексте, впрочем, как всегда у автора. Но здесь это ещё и морально очень тяжёлая информация, поэтому, наверное, он и умер так рано в той реальности...

Тёзка помолчал, собираясь с мыслями.

– Это история о встрече двух миров...

Мы все находились в одном идейном поле, которое во многом сформировал Ефремов, поэтому «схватывали» основные мысли очень быстро. По сути, мы просто узнавали знакомое, но сказанное в других, более жёстких внешних условиях.

И всё же история звездолёта «Тёмное пламя» обруши-

лась на нас, ошеломила, всколыхнула что-то в самой глубине. Не по себе становилось от описания социальной действительности в терминах концепции инферно, то есть безысходности. Жуть охватывала от понимания, что это – результат тревожных дум автора, отражение тенденций, свидетелем которых он был. Даже если эти тенденции из альтернативного мира.

И тут же, рядом – гордость за человека, единственное во Вселенной существо, способное подняться из инферно.

Наверное, тогда я впервые ясно понял, что приоритет чисто экономических показателей над человеческими ведёт к усилению безысходности, в особенности, в современных условиях больших масс населения, независимо от того, капитализм или «социализм» будет выведен на знамёнах. Но если капитализм по определению нацелен на прибыль ради прибыли, то социалистические модели возможны разные...

Когда Андрей закончил рассказывать, я взял слово.

– Друзья мои, как я понимаю, сейчас главный вопрос – о точке ветвления. Но прежде, чем попытаться как-то ответить на него, нам с Костей нужно прочитать роман. – Костя кивнул в знак согласия. Я продолжал: – После того, дня через четыре... – ведь этого хватит?.. – дня через четыре предлагаю встретиться снова, чтобы поделиться идеями и понять, что делать со всем этим дальше.

Мой план был принят. Как назло, все наши друзья находились в разъездах – проводили детский астрономический слёт

в Испании, вели смену в пионерлагере «Зеркальный», путешествовали на Байкале, отдыхали в Севастополе, Маринка была на Камчатке – в общем, «будто все сговорились», как прокомментировал ситуацию Костя, – поэтому следующая встреча также предполагалась втроем.

Тёзка принёс из соседней комнаты карту памяти.

– Здесь – фотокопия романа. Оригинал пусть останется у меня, на всякий случай, ведь о долгосрочном поведении объектов соседнего мира нам пока ничего не известно.

Я извлёк из рюкзака свой портативный «Агат», и мы перекачали на него копию, после чего Андрей вручил карту Косте, и тот её спрятал в нагрудный карман.

Накатила усталость, но спать после такой информационной бомбы было немислимо. Моряк предложил «проветрить мозги» – прогуляться на Аптекарский остров, где располагался клуб «Великий Кристалл», и продегустировать «гармонический напиток», припрятанный в директорском кабинете «для нужд релаксации». «Гармоническими напитками» Костя обычно называл коньяк или ром.

Когда мы уже стояли в прихожей, готовые к выходу, приоткрылась входная дверь, и на пороге нарисовался рыжий кот Кон-Бендит (или «кот-бандит», как часто называл его Андрей).

– Нагулялся, разбойник! – приветствовал его хозяин. Мурлыкнув что-то неразборчивое, кот пересёк прихожую и уверенно направился по длинному коридору в сторону кух-

ни, подрагивая пушистым хвостом. – Подождите меня пару секунд, – это уже нам с Костей, – я только открою ему банку сайры.

Тёзка сунул мне книгу, которую не хотел оставлять без присмотра, но не успел убрать в сумку. Я снова раскрыл её и прочитал эпиграф: «Ди пхи юй чоу – Земля рождена в час Быка (иначе Демона, два часа ночи)», затем перевёл взгляд на часы, висевшие на стене. Была половина третьего...

III

Я поселился у Кости в районе Старой деревни. Каждое утро мы совершали пробежку по аллеям Крестовского острова, купались в заливе, затем возвращались домой завтракать, после чего Костя брал на стоянке велосипед и ехал в клуб, где у него накопились дела. Я же, прихватив с собой «Агат», отправлялся вдоль Приморского проспекта, больше похожего на бульвар, нежели на проспект, в сторону дацана, где садился во дворе на лавочку и погружался в чтение. Массивное здание скорее напоминало бы средневековую крепость, если бы не красочное, преимущественно цветов красной и жёлтой охры, обрамление его верхней части, наряду с изображениями Колеса Учения (а может быть, Колеса Времени – Калачакры) и двух ланей над портиком при входе в храм.

Обдумывая прочитанное, я не спеша обходил тенистый двор, раскручивая расположенные по периметру молитвенные барабаны, и вспоминал заметки из экспедиционных дневников Рериха о том, как в каком-то монастыре в Ладакхе ламы приспособили для вращения молитвенных барабанов ветряные двигатели.

Вообще, ленинградский дацан мне всегда казался уникальным местом. Община буддистского храма делила здание с психофизиологической лабораторией, за создание ко-

торой именно здесь в своё время выступил Иван Ефремов. И сотрудничество буддистов с психофизиологами получилось плодотворным: ламы, погружаясь в медитацию, давали учёным бесценный материал по биотокам мозга; в свою очередь, исследователи помогали инструментальными методами европейской науки объективировать мистический опыт буддистов, а заодно и любой другой трансперсональный опыт.

Здесь же, в кафе бурятской кухни, где чертовски вкусно кормят, можно было перекусить, чем я охотно пользовался в перерыве в своих дневных штудиях.

На второй день я обнаружил, что книга содержит явные отсылки к календарю тибетского буддизма и упоминает чрезвычайно заинтересовавший меня монастырь в Каракоруме. Уединившиеся там монахи, писал автор, составили подробную летопись исторических событий, используя двойной радиоперехват. Конечно, за консультацией следовало обратиться к тибетологам, обитавшим в Ленинградском университете и в Институте восточных рукописей, что на Дворцовой набережной, но начать можно было непосредственно с носителей традиции, раз уж я находился от них в полутора шагах.

Настроив, как говорит моя подруга, ведьма из далёкой Аргентины, свой «внутренний радар», я вошёл в здание храма и обратился к дежурному ламе с просьбой о встрече с настоятелем.

– Подождите, – невозмутимо ответил тот и исчез в одной из двух боковых галерей, отделённых от центральной части алтарного зала рядами тёмно-красных квадратных колонн.

Я осторожно пересёк зал и остановился напротив изваяния сидящего Будды Шакьямуни, затем переместился к левой части алтаря, где стояла небольшая ростовая фигура. Я улыбнулся, вспоминая, как много лет назад, во время нашего первого посещения дацана, мой московский друг спросил у служителя, кого изображает эта фигура. «Майтрейю», – буднично ответил лама, проходя по своим делам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.